

«КРАСНЫЙ МАЙ»: ЧТО ЭТО БЫЛО?

А.В. Шубин

Аннотация. Статья посвящена событиям во Франции в мае–июне 1968 г. как кульминации массовых выступлений 1968 г. Освещаются предпосылки, ход событий, роль лидеров и организаций, основные результаты кризиса. «Красный май» описывается как вызов индустриальной цивилизации, когда проблемы XXI в. ставили не философы, а массы. Самоуправление стало синонимом слова «социализм». «Красный май» показал неспособность традиционных левых партий сплотить вокруг себя общество, предложить конструктивную программу. Автор показывает, как в мае–июне 1968 г. во Франции могла воплотиться стратегия «новых левых» — союз революционной интеллигенции Запада и пролетариата в первом поколении, который формируется из крестьян преимущественно в «третьем мире». Студенческие выступления рассматриваются как детонаторы данного процесса. События мая–июня 1968 г. создали новую Францию. Падения V республики не произошло, но в 1968 г. во Франции завершилось строительство социального государства. Общество самоуправления не возникло, однако революция 1968 г. выявила социально-психологические изъяны индустриальной системы. Автор обращается к теме характера «Красного мая» и приходит к выводу, что это была ранняя постиндустриальная революция.

Ключевые слова: Красный май, Шарль де Голль, студенчество, забастовка, революция.

“RED MAY”: WHAT WAS IT?

A.V. Shubin

Abstract. The article is devoted to events in France in May–June 1968. The article describes the course of events, the role of leaders and organizations, the main results of the crisis.

“Red May” is described as a challenge to industrial civilization when the problems of the XXI century were declared not by the philosophers, but by the masses. Self-governance has become synonymous with the word “socialism”. “Red May” was the result of the inability of the traditional left parties to mobilize a society, to offer a constructive program. The author described how in May-June 1968 the strategy of the “new left” could be embodied in France – the alliance of the revolutionary intelligentsia of the West and the proletariat in the first generation, which is formed from the peasants mainly of the “third world”. Student rebels were detonators of this process. The events of May–June 1968 have created a new France. The fall of the V Republic did not occur, but in 1968 the construction of a welfare state was completed in France. The self-governance society did not arise, but the 1968 revolution revealed the socio-psychological flaws of the industrial system.

The author refers to the characteristics of “Red May” and concludes that it was an early post-industrial revolution.

Keywords: Red May, Charles de Gaulle, students, strike, revolution.

Кульминацией эпохи социально-политических выступлений, известной как «бурные шестидесятые» стал 1968 г. По словам автора книги об этой эпохе М. Курлански, «никогда еще не было года, подобного 1968-му, и вряд ли когда-либо будет. В то время, когда нации и культуры были еще отделены друг от друга и различались между собой – а в 1968 году Польша, Франция, Соединенные Штаты и Мексика отличались друг от друга значительно сильнее, нежели сегодня, – произошло самовозгорание мятежного духа по всему миру.

История знала и другие революционные годы... Но уникальным для 1968 года оказалось то, что возмущение людей было вызвано разными причинами, и объединяло их только желание бунта, представление о том, как его осуществить, ощущение отчуждения от официального порядка и отчетливая неприязнь к авторитаризму, в какой бы форме он ни проявлялся. Там, где он принимал форму коммунизма, они восставали против коммунизма, там, где это был капитализм, – против капитализма...

Четыре исторических фактора “работали” на 1968 год. Сыграло свою роль движение за гражданские права, в то время воспринимавшееся как нечто новое и оригинальное. Молодое поколение ощущало себя ни на кого не похожим и отделенным от остального мира и отвергало власть в любых ее формах. Шла война, ненавистная для всего мира и служившая поводом дня возмущения всем, кто искал такого повода. Наконец, в тот момент телевидение, что называется, входило в возраст, но было еще достаточно ново для того, чтобы попасть под контроль и стать столь дистиллированным и предсказуемым, как теперь. В 1968 году феномен получения ежедневных новостей с другого конца света с помощью средств массовой информации был сам по себе технологическим чудом и поражал новизной» [Курлански, 2008, с. 8–10].

Это объяснение неполно. Оно касается негативной, протестной стороны явления, но не общности конструктивных требований, например, «Красного мая» и «Пражской весны». «Бурные шестидесятые» включали и такие явления, как «Культурная революция» в Китае, столкновения в Мексике и война за независимость Biaфры в Нигерии. Феномен 1968 г. и, шире – «бурных шестидесятых» кроется в наложении друг на друга и хронологическом совпадении нескольких глобальных процессов:

1. Кризис моделей индустриального общества и социального государства, сложившихся как на Западе, так и в «социалистических странах», массовое недовольство бюрократическим господством и профанацией демократии, выдвижение идеала самоуправления в качестве альтернативы существующему порядку;
2. Социально-культурные и научно-технические сдвиги, способствующие новой, более влиятельной и самостоятельной роли интеллигенции, росту средних слоев, гражданского самосознания, новых субкультур и формированию сетевых

общественных структур и глобальных коммуникаций, в том числе и связанных с развитием телевидения;

3. Идеологическая трансформация, вызванная осуждением «культы личности Сталина» в СССР, расслоение коммунистического движения в спектре от правого ревизионизма до маоизма, синтез различных левых идеологий и попытки создания «новых левых» концепций, стремящихся найти опору в новых поколениях, выходящих из-под контроля «старой» культуры;

4. Крах колониальной системы, вызвавший перестройку системы отношений развитых и «развивающихся» стран, апробирование неоколониальной системы господства, чреватое неудачами и кризисами, обострение конкуренции двух блоков за позиции в «Третьем мире», стремление революционных движений использовать неустойчивость периферии для подрыва капиталистического господства в целом.

«Бурные шестидесятые» характерны не только протестом и столкновениями участников гражданских движений и сил охраны порядка. Это было время интенсивной выработки мировоззрения нового поколения интеллектуалов стран Запада. Р. Жейсмар вспоминала: «Реальным ощущением шестьдесят восьмого года было потрясающее чувство освобождения, свободы и людей, которые общались друг с другом, — общались на улицах, в университетах, в театрах. Это было нечто гораздо большее, нежели метание камней. Вся система государственного порядка, авторитета и традиции была сметена. В известной степени современное свободное общество родилось в шестьдесят восьмом» [Курлански, 2008, с. 322].

Часть молодежи присоединялась к радикальным политическим движениям «новых левых», идеология которых формировалась на основе синтеза марксизма, анархизма и фрейдистских психологических концепций. Большое влияние на взгляды активистов «бурных шестидесятых» оказали и другие критики «индустриальной машины» и «либерального тоталитаризма»: Ж.-П. Сартр, Г. Маркузе, А. Камю, Р. Дучке, М. Сальвио и др. В моде был неортодоксальный марксизм.

Из Китая приходили противоречивые сведения о «Культурной революции», в ходе которой молодежные отряды «красных охранников» (хунвейбинов) громили бюрократию и «старую культуру». И было еще не очевидно, что Мао Цзэдун использует эту «чистку» для укрепления своей диктатуры. Студенты, вынудившие руководство Римского университета закрыть в марте это учебное заведение, несли плакат с тремя буквами М, означавшими «Маркс, Мао и Маркузе». Революционный радикализм сочетался со сдвигами в культуре, такими как движение хиппи, рок-движение и др.

Своего рода кульминацией массовых выступлений 1968 г. стал социально-политический кризис во Франции в мае–июне, известный как «Красный май». «Детонатором» этих событий стало студенчество, но они вовлекли широкие массы рабочего класса и средних слоев. Волнения и оккупационные стачки не закончились свержением режима. Это ставит под сомнение сам факт наличия революции во Франции, хотя внешние формы революционного процесса были очевидны и

ярки. Но революция, даже потерпевшая поражение, оценивается по постановке социальных задач ее участниками. Каков был характер «Красного мая» с точки зрения проблемы смены стадий развития человечества?

ПРЕДПОСЫЛКИ

В начале 1968 г. ничто, казалось, не предвещало потрясений. Происходил экономический рост. Режим ограниченной демократии во главе с основателем V Республики президентом генералом Ш. де Голлем, казалось, гарантировал политическую стабильность. Но за ее фасадом нарастало недовольство ряда социальных групп. Это выразилось и в итогах выборов 1967 г., когда левые партии получили 43,61% голосов – Французская коммунистическая партия (ФКП) – 22,46%; Федерация демократических и социалистических левых сил (ФДСЛС), ядром которой была социалистическая партия (СФИО) – 18,79%, Объединенная социалистическая партия – 2,26% [Семенов, 2001, с. 235].

Франция встречала 1968 г. в обстановке спортивного праздника – Олимпиады в Гренобле. Впрочем, рабочие дрались с полицией в Кане во время забастовки на автозаводе «Савьен». Столкновения между полицией и лицеистами происходили в Париже.

Технологическая модернизация имела противоречивые последствия. Росла безработица, приблизившись к полумиллиону. Рабочие были недовольны ростом интенсивности и регламентации труда, которая не компенсировалась ростом зарплат, тем более в условиях инфляции выше 4% в год. Франция осваивала атомную энергетику, и в то же время даже в Париже половина жилья не была оснащена канализацией. Научно-техническая революция требовала количественного роста интеллигенции, которая в свою очередь была недовольна засильем бесконтрольной бюрократии.

Во Франции резко выросло количество студентов. Де Голль поощрял развитие высшего образования, но подход к этому вопросу был прежде всего количественный. Количество студентов выросло с 123 тыс. в 1946 г. и 202 тыс. в 1961 г. до 605 тыс. в 1968 г. [Дойл, 1993, с. 22; Коломийцев, 1981, с. 61]. Быстрый рост числа студентов вел к нехватке государственных средств, размер выплат на одного студента сокращался. Перепроизводство специалистов привело к всплеску молодежной безработицы и ухудшению условий жизни студентов. «С превращением высшей школы из элитарной в массовую резко обострились проблемы нехватки преподавателей, помещений... хотя по всей стране шло интенсивное строительство новых университетских зданий, создание новых факультетов и университетских центров» [Семенов, 2001, с. 249], – пишет историк А.Л. Семенов. Был построен новый университетский городок в предместье Парижа Нантере. Студенты жили в кампусах, где «тесное общение больших масс молодых людей, поставленных в примерно одинаковые, зачастую весьма нелегкие условия учебы и быта, усиливало их недовольство своим

положением, способствовало выработке у них чувства солидарности на почве осознания определенной общности интересов, делало их восприимчивыми к различным леворадикальным идеям» [Семенов, 2001, с. 249].

В городках царили архаичные административные правила. Например, в общежитиях нельзя было посещать друзей противоположного пола. Это вызвало недовольство и молодежные «бунты». После волнений марта 1967 г. администрация пошла на некоторые уступки, стала вести диалог со студенческими организациями, но уступки были незначительными и запоздалыми. Это становилось аргументом в пользу тех агитаторов, которые убеждали студентов – дело не в университетском начальстве, а в общественной Системе.

Перед студентами стояли две угрозы – не найти работу по специальности и найти такую, где деятельность будет не творческой, а монотонной и утомительной. То, что раньше считалось обычной карьерой, сегодня возмущало и отвращало молодых людей, воспитанных на лево-гуманистической литературе.

Одновременно планировалась реформа высшего образования, которая должна была механически ограничить число студентов с помощью строгих экзаменов. Это было прежде всего по интересам лицеистов, что радикализовало их.

Французская молодежь увлекалась левыми идеями, прежде всего анархизмом, марксизмом троцкистского и маоистского толка, идеями А. Мальро, Ж.-П. Сартра и Ф. Фанона. «Социализм с брежневским лицом» на этом фоне не котировался – к огорчению ФКП. Хотя какой-то общей синтетической новой левой идеологии не возникло, все новые левые тенденции, популярные в среде левацкой (гошистской) молодежи отстаивали общие ценности самоуправления, личной свободы, социальной справедливости и интернационализма, что было вполне достаточно для начального этапа массового движения.

Новые левые идеи развивались в рамках нескольких организаций Национального союза студентов Франции (НССФ), который еще со времен войны в Алжире действовал как политическая сила; небольшой Объединенной социалистической партии (ОСП), в рамках которой существовал широкий плюрализм идей от умеренного анархизма до троцкизма и маоизма; Союза студентов-коммунистов, который ФКП распустила от греха подальше в 1966 г. Но его активисты стали создавать сеть небольших активистских групп – группускул. Ситуационистский интернационал, относительно популярный в университете Страсбурга, в соответствии с идеей Г. Дебора считал, что капитализм – это общество спектакля, которое можно разоблачить и разрушить театрализованными акциями прямого действия. Наибольший политический успех «интернационала» – переход под его контроль студенческой организации университета Страсбурга в 1966 г., после чего ситуационисты ее распустили [Семенов, 1999, с. 172]. Разумеется, без организации студенты оставались недолго, она вскоре была восстановлена с новым руководством. Но как тактическое средство, театрализация протеста в 1968 г. получила большое распространение.

Значительную роль в майских событиях сыграют Движение университетских действий (ДУД) и Федерация групп по изучению филологии (ФГИФ), которая имела большое идеологическое влияние в НССФ, выступала за перерастание борьбы против авторитарной системы в университете с помощью студенческого синдикализма к борьбе против технократического общества. «Новые левые» филологи считали, что можно создать идеальный университет и распространить его принципы на все общество. Как писал в 1965 г. левый синдикалист М. Кравец из ФГИФ, «у студентов нет никаких шансов добиться успеха в своей борьбе, если она не будет подхвачена более широким движением» [Цит. по: Семенов, 2001, с. 246]. И она будет подхвачена.

СТУДЕНЧЕСКИЙ ДЕТОНАТОР

20 марта 1968 г. группа студентов, вовлеченных в охватившую весь западный мир кампанию солидарности с Вьетнамом, атаковала штаб-квартиру American Express, побив в ней стекла. 6 активистов были задержаны. 22 марта, требуя их освобождения, 150 студентов захватили в Нантере университетские помещения, предназначенных для преподавателей (вход студентам туда был закрыт). Акция продолжалась до 29 марта, когда были освобождены задержанные 20 марта. Зачинщиков, включая наиболее известного студента-анархиста, гражданина ФРГ Д. Кон-Бендита, вызвали в университетский суд на 6 мая. Однако «хулиганы» создали «Движение 22 марта» и продолжили агитацию – в том числе и против университетской административной системы. 2 мая вооруженные репродукторами студенты снова захватили помещения филиала Парижского университета (Сорбонны) в Нантере, и занятия здесь были прекращены. Тогда студенты перенесли свою активность в центр Парижа, в Латинский квартал близ комплекса Сорбонны.

Лидер студенческого протеста Д. Кон-Бендит призывал студентов «создать брешь» – условия, когда в движение против режима и капиталистической системы начнут неостановимо вливаться все более широкие массы.

Одновременно праворадикальная группа «Запад» призвала любыми средствами покончить с коммунистической агитацией в университете. Левацкие студенты готовились к большой драке.

3 мая во дворе Сорбонны собрались леворадикальные студенты. Их митинг проходил мирно и довольно обычно. Рядом с Сорбонной появились боевики группы «Запад», угрожавшие напасть на леваков. И тогда университетское начальство запаниковало. Ректор Ж. Рош пригласил полицию на территорию Сорбонны. Здесь начались аресты сотен студентов Ротами республиканской безопасности (ЦРС) – французским аналогом ОМОН. Были избитые. Студенты оказали сопротивление – в ход пошли булыжники. Итог дня – сотни раненых и 574 задержанных, в том числе Кон-Бендит, лидер НССФ Ж. Саважо, лидер Революционной коммунистической

молодежи троцкист А. Кривэн. Сорбонна была закрыта впервые за несколько десятилетий.

Университетская общественность была возмущена. Преподаватели объявили забастовку. Лидером радикальной профессуры был А. Жейсмар, возглавлявший Национальный союз преподавателей высшей школы.

6 мая в связи с рассмотрением дела Кон-Бендита и его товарищей Латинский квартал заполнили десятки тысяч студентов и преподавателей. Их снова атаковали ЦРС. Было 739 раненых. Отбиваясь от полицейских, студенты стали строить баррикады – символ революции.

Действия ЦРС были жестокими, и симпатии большинства парижан были на стороне студентов – из окон в полицию полетели увесистые предметы. Бойцов баррикад кормили и прятали жители.

10 мая, в «ночь баррикад», было возведено более 60 мощных сооружений. В ход пошел булыжник, бетонные стены, автомобили. Дети среднего класса Франции уничтожали символ «просперити» своих отцов – автомобиль, демонстрируя борьбу с «обществом потребления». Несмотря на это большинство парижан по опросам были на стороне студентов.

Полиция действовала решительно – дубинки, газ, брандспойты. Полицейские машины врезались в ряды демонстрантов. В полицейских летели увесистые камни. С большим трудом баррикады были взяты.

Позднее Кон-Бендит писал: «Яростный бунт стал французской традицией. Мы пытались избежать эскалации насилия. Я полагал, что в перспективе насилие могло пагубно сказаться на самом движении. Погружаясь в насилие, идея обесценивается» [Цит. по: Курлански, 2008, с. 320–321].

6–8 мая студентов поддержали Всеобщая конфедерация труда (ВКТ) и Французская демократическая конфедерация трудящихся (ФДКТ) – оба крупнейших профсоюза страны.

Де Голль решил действовать жестко и жестоко: «Вначале делают предупреждение, потом стреляют в воздух, один раз, второй, а если это не действует, то – по ногам» [Цит. по: Арзаканян, 2012, с. 403]. Если бы такой сценарий осуществился, было бы не избежать массовых жертв, да и захвата части оружия у военных радикалами, готовыми его применить. Аналогичный сценарий в Петрограде в феврале 1917 г. запустил одну из самых масштабных и кровавых революций XX в. Но окружение де Голля решило не следовать его рекомендациям, хотя и санкционировало максимально жесткие действия без применения огнестрельного оружия.

11 мая активисты «Движения 22 марта» и ДУД, создавшие накануне сеть комитетов действия («Движение 3 мая») захватили здание филологического факультета Сорбонны. По приказу премьер-министра Ж. Помпиду полиция оставила

Сорбонну. Тогда студенты заняли и другие помещения университета. Был создан Студенческий совет, координирующий работу студентов, занявших здания. Студенты захватили и Страсбургский университет.

Манифестанты не штурмовали государственные учреждения, а выстраивали свой мир параллельно, на новых принципах. Как когда-то, в прошлые века, индустриальные отношения прорастали рядом с дворцами и замками, пока не набрали достаточную силу, чтобы разрушить основы архаичного общества.

БРЕШЬ ПРОБИТА

13 мая на улицы городов вышли сотни тысяч людей. Появились лозунги «Де Голль — в отставку!», «Десять лет — достаточно!», «Де Голля — под землю!» (лозунг работников метро). С этого момента улицы были наводнены народом почти каждый день. «Брешь» была пробита.

Над демонстрациями и баррикадами реяли красные и черные знамена, портреты Ленина (шокирующий символ революции, качественных перемен), Че Гевары (секс-символ революционной самоотверженности), Бакунина (символ бунта) и Кропоткина (символ свободной и солидарной утопии).

На стенах появлялись «странные» лозунги: «Будьте реалистами — требуйте невозможного!», «Вся власть — воображению!», «Нельзя любить рост ВВП», «Под мостовыми — пляжи» и др. Характерно, что тогда на эти остроумные фразы не было предъявлено авторского права — мы не знаем, кто их придумал. Как сегодня часто не знаем авторов популярных интернет-мемов и фраз. Тогда это выглядело просто парадоксами. Сегодня власть воображения — часть нашей виртуализированной реальности. Экологическому мышлению понятно стремление человека освободиться от искусственной среды «мостовых» и скепсис в отношении роста ВВП, разрушающего природу, но не гарантирующего здоровое, доброкачественное обеспечение потребностей. «Красный май», при всем несовершенстве его конструктивной программы, стал моментом, когда не отдельные философы, а массы ставили проблемы XXI в. Это был вызов современной индустриальной цивилизации, основанной на четком разделении труда, строгой регламентации и иерархичности, обусловленности и управляемости, количественном росте продукции и отходов.

Популярность движения и его вождей «раскручивалась» СМИ. Часть журналистов сочувствовала происходящему. А часть самоуверенно считала, что сможет легко опровергнуть взгляды юных бунтарей. После того, как Кон-Бендит, Саважо и Жейсмар поучаствовали в теледебатах с консервативными журналистами, они стали чрезвычайно популярны. Кон-Бендит вспоминал: «Мы положили их на обе лопатки. Я тогда только начал осознавать свою особую связь со СМИ. Я — продукт СМИ. После той истории они должны были бегать за мной. Довольно долго я был

любимчиком СМИ» [Курлански, 2008, с. 325]. Фактически на два месяца прекратилась цензура.

Заняв Сорбонну и близлежащий театр Одеон, студенты стали организовывать новую жизнь. Шло круглосуточное обсуждение политических и философских вопросов. В моде были неортодоксальные марксистские идеи, анархизм, философская непредопределенность. Преподаватели не допускались, за исключением таких леворадикальных, как Сартр. В университетах, а затем и на некоторых предприятиях возник виртуальный мир свободы, при которой «возможно все». «Критический университет» и другие сообщества вырабатывали смелые социальные проекты внедрения самоуправления во все сферы жизни.

Студенты создали систему самоуправления, при которой все текущие вопросы (снабжение, распределение помещений, медицинская помощь, отношения с прессой, с рабочими, сбор информации о жестокостях полиции) решали свободно сменяемые комитеты и общие ассамблеи. Работали детские ясли, столовая, спальни. Дежурные убирали помещения, служба охраны предотвращала физические столкновения между студентами.

Студенческие выступления стали детонатором более широкого революционного процесса. Первоначально профсоюзы и партии отнеслись к студенческим волнениям как к рядовому событию. Если сначала «бунтующие студенты» встречали у ворот предприятий холодный прием, то постепенно революционная агитация и пример студенческого самоуправления вызвали, начиная с 13 мая, цепную реакцию забастовок и захватов предприятий рабочими. Первая попытка рабочих занять свое предприятие была предпринята еще 9 мая на заводе Виско в Живете, но была пресечена полицией. 14 мая была занята фабрика Сюд-Авиасьон в Бугене. Этот пример оказался заразителен. Забастовщики «Эйр-Франс» писали в своей листовке: «Мы против унижительной «модернизации», которая означает для нас непрерывный контроль, губительные для нашего здоровья условия труда и оскорбление нашего человеческого достоинства» [Цит. по: Дойл, 1993, с. 46].

Всеобщую забастовку поддержала ФДКТ, а затем ВКТ, находившаяся под влиянием ФКП. Крестьяне перекрыли дороги своей техникой. Они тоже не хотели «жить постарому». 19 мая в знак солидарности с забастовкой прекратил работу Каннский кинофестиваль. К 20–21 мая бастовало более 9 млн. человек из 14 млн. работающих по найму [Семенов, 1999, с. 163]. Франция остановилась.

ФДКТ поддержала предложенный ОСП лозунг «профсоюзной власти» [Коломийцев, 1981, с. 67], развернувшись таким образом к синдикализму. Вообще ФДКТ, проигрывавшая прокоммунистической ВКТ в борьбе за членство среди квалифицированных рабочих, предприняла усилия для вовлечения в профсоюзы работников умственного труда и более низкой квалификации [Болтански, Кьяпелло, 2011, с. 304]. Это было созвучно мировой стратегии новых левых – союз революционной интеллигенции Запада и пролетариата в первом поколении, который формируется

из крестьян преимущественно в «третьем мире» и еще не переродился, не интегрировался в Систему, как квалифицированные рабочие Запада. Приток этого полупролетариата в Западную Европу расшатывает основы капитализма, враги капиталистических отношений в среде интеллигенции — объективные союзники радикальной интеллигенции. Это гошисты проповедовали еще во времена войны в Алжире.

Впрочем, по итогам 1968 г. ВКТ тоже нарастила численность — организованность рабочего класса в целом повысилась.

Повсеместно создавались комитеты действия — органы революционного самоуправления. В Нанте забастовочный комитет взял на себя управленческие функции. Рабочие и крестьяне занимались продуктообменом, рабочие выехали помогать крестьянам сажать картошку, а профсоюзы получали и распределяли продукты [Seale, McConvile, 1968, p. 164–170].

Дороги на Швейцарию были запружены дорогими автомобилями. Одновременно более решительные правые стали создавать Комитеты гражданского действия (затем — Комитеты защиты республики) для сопротивления революции. В уличное противостояние втягивалась голлистская полувоенная Служба гражданского действия (САС). Страна встала на край гражданской войны.

27 мая представители профсоюзов и правительства встретились на улице Гренелль, чтобы договориться об условиях прекращения стачки. Профлидерам удалось добиться всего, за что они выступали раньше — повышения зарплат на 15%, 40-часового рабочего дня. Но в Гренелльском протоколе ничего не было сказано о социальных преобразованиях, о самоуправлении. И радикальные рабочие отказались поддержать такой компромисс. Забастовка продолжалась на предприятиях Рено, Ситроен, Бердие, Радиосета, Сюд-Авиасьон, СЕКМА и др. В этих условиях ВКТ отказалась подписывать протокол, но он стал ориентиром для соглашений, заключенных позднее.

БУМЕРАНГ ДЕ ГОЛЛЯ

14 мая де Голль как ни в чем не бывало отправился с визитом в Румынию. Вернувшись домой в ночь на 19 мая, президент обнаружил другую страну. Он приказал префекту полиции М. Гримо занять захваченные здания. 24 мая на баррикадах в Париже впервые погиб студент (позднее погиб еще один), а в Лионе во время студенческих беспорядков при невыясненных обстоятельствах погиб комиссар полиции. 25 мая силы порядка попытались зачистить Сорбонну, но это привело к кровавым столкновениям — 1 500 человек было ранено, 800 арестовано.

24 мая президент выступил с обращением к нации и объявил о референдуме по поводу форм «участия» трудящихся в управлении производством. Это была важная

уступка, но уже недостаточная. Самым популярным словом был «социализм», под которым понимали некое устройство жизни, основанное на самоуправлении.

При этом партии, официально стремившиеся к социализму – ФКП и СФИО – не собирались поддерживать развернувшееся массовое движение. Как пишет историк А.Л. Семенов: «Вспыхнув внезапно, как ночной пожар, майский кризис высветил растерянные лица известных политических лидеров как левого, так и правого направления, вынужденных срочно определяться и действовать в непривычной для себя обстановке» [Семенов, 2001, с. 266]. ФКП к тому же учитывала дружественные отношения советского руководства и де Голля. Пытаясь использовать кризис в предвыборных целях, левые партии выдвинули идею «народной» левой коалиции, пытаясь воскресить призрак Народного фронта. Лидер социалистов Ф. Миттеран предложил передать власть Временному правительству во главе с П. Мендесом-Франсом и заявил о своих президентских амбициях.

Однако для успеха традиционных левых партий в этих условиях нужна была новая конструктивная программа, учитывающая идеи и настроения движения 1968 г. «Желание широких масс трудящихся не просто улучшить, но изменить условия своего бытия, выйти на какие-то качественно новые его параметры удивительно контрастировало с неготовностью, а где-то нежеланием и неспособностью лидеров левых политических партий предложить участникам массовых выступлений конкретные лозунги и программы борьбы за демократизацию отношений на производстве, в университете и обществе, адекватные боевому и новаторскому духу майских событий» [Семенов, 2001, с. 289], – констатирует А.Л. Семенов. Этот контраст как раз и объясняется революционным характером событий, которые противостояли не просто политической системе V республики, но и партийно-государственной системе как таковой. Поддержка принципов этого движения было бы началом конца всех партий, их сущностным самоубийством. На это они не могли решиться. Исключение оставляла только маленькая ОСП, которой в этом отношении было нечего терять, кроме пары депутатских мест.

27 мая во время митинга некоммунистических левых на стадионе Шарлети коммунисты подверглись острой критике со стороны студенческих и рабочих активистов за оппортунизм и стремление к тоталитарному обществу. «Новые левые» претендовали на роль самостоятельного политического фактора.

А.Л. Семенов считает эту стадию событий «преимущественно политической» [Семенов, 2001, с. 286], но не будем забывать, что политические события развивались на фоне самой крупной забастовки в истории Франции, которая сопровождалась массовыми экспериментами прямой демократии, действующей в обход парламентских партий. Так что суть событий все же лежала не в политической, а в социальной и идейной сферах.

Режим застыл в растерянности. Де Голль признавался: «Я чувствую, что во мне теперь живут два человека. Один верит в государство, во Францию. В свои

собственные возможности выступить с призывом к французам, чтобы они еще раз избежали катастрофы. Второй сомневается в себе, во французах, в государстве, в армии. Один от имени Франции и своей любви к ней требует от себя огромных усилий, чтобы встать выше обстоятельств и изгнать бесов. Другой пытается оставить французов на их пути к злу, раз они сами этого хотят» [Цит. по: Арзаканян, 2012, с. 406].

29 мая де Голль покинул страну и вылетел в германскую группу французских войск. Это напоминало бегство в Варенн, но более успешный. Президент договорился о совместных действиях с ее командующим Ж. Массю, возможно обещав освободить правых офицеров, боровшихся против де Голля в правой террористической организации ОАС. Имея надежный резерв, президент уверенно вернулся в Париж 30 мая. К столице были стянуты войска. Де Голль заявил, что стране угрожает коммунистическая диктатура, отменил референдум и распустил парламент, назначив всеобщие выборы. Социальное недовольство было направлено в привычное избирательное русло. Избирательный бюллетень позволял мобилизовать силы консервативной Франции и расколоть левых.

31 мая на улицы вышла объединенная демонстрация правых – их было не меньше, чем левых. Комитетам защиты республики раздавалось оружие. Страна снова встала на грань гражданской войны, но революционеры не собирались воевать. Последняя вспышка столкновений молодежи и полиции произошла в ночь на 12 июня (небольшие инциденты произошли также 13–16 июля).

Революционная энергия постепенно выдыхалась. Забастовщики соглашались на материальные уступки и выходили из стачки. Забастовки на Рено и Пежо подавлялись с помощью ЦРС, при этом погибли школьник и рабочий. 12 июня демонстрации были запрещены, наиболее активные левацкие организации распущены (в том числе «Движение 22 марта», Федерация революционных студентов, маоистская Марксистско-ленинская коммунистическая партия Франции, Революционная коммунистическая молодежь). И это не вызвало новой волны возмущения. Характерно, что праворадикальная группа «Запад», спровоцировавшая беспорядки 3 мая, запрещена не была. Развернулась чистка телевидения и радио от нелояльных де Голлю журналистов. 16 июня Сорбонна была очищена от революционных студентов. В сентябре студенты вернулись к занятиям. Это было самое бескровное завершение столкновений на баррикадах в истории Франции.

Выборы 23–30 июня привели к поражению левых. Бунтующий народ Франции не хотел голосовать за левые партии, которые показали свою неспособность понять требования студентов и бастующих рабочих. Почти вдвое увеличилось количество голосов за маленькую партию Объединенных социалистов, действовавшую весьма активно в мае, но мажоритарная система в условиях консолидации правых сил лишила ее депутатских мест. Абсолютно большинство мандатов получила партия де Голля «Союз демократов в защиту республики». Как пишет биограф де Голля М.Ц. Арзаканян, «французы, совсем недавно выражавшие недовольство властью, теперь сказали ей «да», предпочитая порядок, а не хаос» [Цит. по: Арзаканян, 2012,

с. 408]. Но это были разные французы. Во время первого тура выборов бастовал еще миллион работников. Но сторонников status quo оказалось больше.

Де Голль был недоволен Помпиду, который «все выложил на улице Гренелль». «Ни у кого нет чувства государства» [Цит. по: Арзаканян, 2012, с. 409], – сетовал президент. В понимании де Голля «чувство государства» противостояло социальным правам. Помпиду был готов на уступки принципу социального государства, что и подтвердит, когда станет президентом. 21 июля президент отправил Помпиду в отставку. А 14 июля амнистировал оасовцев – Массю мог быть доволен.

ЧТО ЖЕ ЭТО БЫЛО?

Режим устоял, основы социальной системы не были разрушены. Казалось бы, «Красный май» кончился ничем. Но это не так. «Красный май» создал современную Францию не только в культурном отношении, о чем часто говорится, но и в социальном. Вслед за Гренелльским протоколом последовала целая серия мер по формированию во Франции сильного социального государства, которого раньше не было. В 1969 г. были подписаны национальное соглашение по гарантиям занятости, введен четырехнедельный оплачиваемый отпуск. В 1970 г. – соглашение о повышении квалификации, введено пособие по уходу за ребенком. В 1971 г. был принят закон о максимальной продолжительности работы, в 1972 г. – ужесточены наказания за нарушения трудового права и введены дополнительные пенсии. «Соглашения, заключенные в 1968–1973 годах, изменяют распределение добавленной стоимости в пользу наемных работников и значительно усиливают их защищенность» [Болтански, Кьяпелло, 2011, с. 324–325], – подводят итог Л. Болтански и Э. Кьяпелло.

Изменилась и жизнь университетов. 12 ноября 1968 г. был принят закон, который децентрализовал Сорбонну, разрешил политическую деятельность в университетах и создал советы с участием студентов и преподавателей, которые регулировали распределение средств университета, определяли формы обучения и избирали ректора. В этом отношении студенческий протест победил. Попытка Ж. Ширака отменить завоевания 1968 г. вызвала в 1986 г. взрыв массовых протестов.

Сексуальное раскрепощение западного общества в 70-е гг. стало еще одной победой сторонников ценностей 1968 г.

Общество самоуправления не возникло, но эта идея была настолько популярна, что де Голль пытался перехватить ее в умеренной форме, выдвинув идею участия в управлении на всех уровнях, включая производственный. Он собирался сделать эту идею лозунгом следующего этапа своего правления, вынести ее на референдум. Но затем под давлением капитала не решился пойти на преобразование самой основы производства и свел вопросы референдума к чисто политическим положениям реформы Сената и избирательной системы. Это оказалось не интересно ни правым,

ни левым избирателям. 27 апреля 1969 г. де Голль провел референдум, потерпел поражение и отправился в отставку. Его сменил Помпиду.

Режим устоял. Поэтому, несмотря на революционный антураж «Красного мая» и важность его последствий, ему обычно отказывают в праве называться революцией. Но революции далеко не всегда завершаются крушением правящего режима – достаточно вспомнить 1905–1907 гг. в России.

Автор публицистической книги о 1968 г. М. Курлански пытается дать теоретическое осмысление событий во Франции: «Революция возможна, но во Франции 1968 году она не произошла. Классики марксизма утверждали, что революционеры должны содействовать постепенному формированию экономических предпосылок и совершенствовать свою идеологию. Ни того, ни другого в тот год не наблюдалось. Был обыкновенный взрыв возмущения, направленный против той удушливой атмосферы застоя, в которой существовало французское общество» [Курлански, 2008, с. 334]. Не известно, в какой из работ классиков марксизма М. Курлански мог вычитать что-то, хотя бы отдаленно похожее на данную интерпретацию критериев революции, но вполне очевидно, что в ходе исторических революций, известных человечеству, экономические предпосылки системных сдвигов не формируются, и единая идеология всех революционеров не возникает. Революция в реальности не приводит немедленно к смене одной стадии общественного развития другой, более совершенной. Это не столько «локомотив истории», сколько ее «таран», частично разрушающий системные препятствия на пути развития социально-политической структуры. Революция – это процесс преодоления системообразующих структур общества путем социально-политической конфронтации. Но само преодоление как правило остается незавершенным, и дальнейшую работу доделывает эволюция. Известные истории революции имеют ряд критериев, отделяющих это явление от обычных переворотов, бунтов и акций гражданского неповиновения: революции представляют собой массовую конфронтацию по поводу принципов социально-политического устройства, сопровождаются расколом элит и действиями широких масс вне рамок существующих легитимных институтов [Подробнее см.: Шубин, 2014, с. 6–15]. Эти критерии присутствовали во Франции в мае–июне 1968 г.

Несмотря на то, что «Красный май» не закончился крушением V республики, значение этих событий для развития современной цивилизации велико: принципы современного мира были подвергнуты всеобщему сомнению, но это не привело к кровопролитию и катастрофе. Устойчивое экономическое развитие индустриальной системы выявило ее социально-психологические изъяны. Рост самостоятельности интеллектуальных слоев, будущих проводников информационной трансформации общества, вступил в конфликт с жесткими рамками системы, развитие гражданского и демократического самосознания поставило всестороннее самоуправление в повестку дня. Более того, «Красный май» впервые, пусть и на лозунговом уровне, поставил в повестку дня проблемы, актуальные для постиндустриальной, виртуализированной цивилизации. Однако в то время еще не возникли предпосылки для устойчивого развития принципиально новых пост-индустриальных отношений, а

капиталистическая форма индустриального общества оказалась достаточно гибка и динамична, чтобы интегрировать новые социально-культурные явления и изолировать очаги социального недовольства.

«Красный май» можно отнести к «ранним» революциям, которые скорее ставят, чем реализуют задачи перехода общества в качественно новое состояние. Кризис зрелого индустриального общества миновал, и социально-культурная система Запада вновь приобрела устойчивость. За «реформацией» «бурных шестидесятых», осуществлявшей социально-психологический сдвиг, последовала неоконсервативная «контрреформация». Но «бурные шестидесятые» положили начало качественным изменениям социума, связанным с информатизацией, виртуализацией, увеличением роли общественных движений горизонтального типа.

«Ранние» революции (например, «раннебуржуазные») также несовершенны, как были несовершенны первые самолеты, которые совсем непохожи на современные авиалайнеры. Но без этажерок начала XX века не было бы авиалайнеров. Без «раннебуржуазных» (раннеиндустриальных) революций не было бы капитализма и индустриального общества. После «раннебуржуазных» были и более глубокие, более зрелые революции того же типа. И на этой буржуазной волне стали проявляться новые задачи — провозвестники системы, которая сменит обычный капитализм — «социальное государство» (государственно-монополистический индустриализм). Оно будет доминировать в мире начиная с 30-х гг. XX в., но перспектива возникновения социал-этатистского общества проявилась раньше — в «ранних» социал-этатистских революциях, начиная с 1848 г. во Франции. Характерно, что марксистский наблюдатель А. Черветто пытался понять происходящее во Франции в 1968 г. с помощью характеристики К. Марксом революции 1848 г. в работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта»: «Все классы и партии во время июньских дней сплотились в партии порядка против класса пролетариев — партии анархии, социализма, коммунизма...» «Прошло ровно 120 лет, и социальная картина соотношения между классами не изменилась. С одной стороны баррикады — партия порядка, протрубившая сбор мелкой буржуазии, с другой — пролетариат, обманутый как всегда, оппортунистами, то есть агентами буржуазии внутри рабочего движения, которые в качестве высшей цели имеют саботаж любой действительной классовой борьбы» [Черветто, 2005, с. 272]. В действительности картина 1968 г. как раз не вписывается в эту марксистскую схему. «Партия анархии, социализма, коммунизма» очевидно не была чисто пролетарской, ее авангардом, задававшим идейный тон и сражавшимся на баррикадах, было студенчество — формирующаяся интеллигенция, генетически связанная не столько с пролетариатом, сколько со средними слоями («мелкая буржуазия» в марксистской терминологии). Произошел раскол среднего класса на креативное крыло, стремящееся к изменению социального слоя, и консервативное мещанство, ставшее основной опорой партии порядка. Такое размежевание не является уникальным (можно вспомнить социально-психологическое различие разночинцев и мещан в Российской империи). Лозунги разночинцев и в XIX в., и в XX в. звали к посткапиталистическому обществу. Но понимание этого общества было разным.

Сравнение ситуаций 1848 и 1968 гг. демонстрирует большой путь, который прошло западное общество за эти 120 лет. Лидеры социалистов в 1848 г. предпринимали первые попытки реформ по социальному обеспечению, государственному регулированию индустриальной модернизации с элементами производственного самоуправления. Таково было понимание социализма Л. Бланом, да и самим К. Марксом (справедливости ради добавим, что у П.Ж. Прудона было понимание социализма, более близкое к мейнстриму 1968 г., но он, похоже, слишком опередил свое время).

В 1968 г. создание социального государства завершалось, и задачи самоуправления и даже преодоления индустриально-фабричных рамок вышли на первый план. Если в 1848 г. произошла ранняя социал-эстетическая революция, где полуголые пролетарии боролись за элементарные социальные права, то в 1968 г. рабочий класс, несмотря на все издержки деголлевского технократизма, стал гораздо более обеспеченным и интегрированным в Систему. Ему было что терять, и лишь часть рабочих, бастовавших ради повышения зарплаты, решились на эксперименты с производственным самоуправлением. Началась социальная перегруппировка, формирование нового креативного класса, который в перспективе может стать основой принципиально нового общества [Манифест информалиата].

«Бурные шестидесятые», ярчайшим проявлением которых стал «Красный май» во Франции, «пробили брешь» в этом направлении — пусть пока и не широкую. В последующие годы и даже десятилетия импульс «Красного мая» не погас. «Бурные шестидесятые» создали «социальный заказ» на экономико-технологические сдвиги и социально-организационные изменения, которые привели к формированию глобального постиндустриального креативного уклада. Возможно, в будущем он сможет взломать коросту архаичных и индустриальных отношений, стать доминирующим в новой эпохе развития человечества. И это будет уже не ранняя, а зрелая постиндустриальная революция.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Арзаканян М.Ц.* Великий де Голль. «Франция — это я!». М.: Эксмо, 2012. 512 с.
- Болтански Л., Кьяпелло Э.* Новый дух капитализма. М.: НЛО, 2011. 976 с.
- Дойл К.* Месяц революции. Уроки всеобщей забастовки. М., СПб.: Рабочая демократия, 1993. 104 с.
- Коломийцев В.Ф.* Рабочий класс и профсоюзы Франции в борьбе против монополий. М.: Профиздат, 1981. 175 с.
- Курлански М.* 1968 год, который потряс мир. М.: АСТ, 2008. 543 с.
- Манифест информалиата. URL: http://informacional.ru/manifest_informaliat.php (дата обращения — 20 сентября 2018 г.).
- Семенов А.Л.* Май 1968 г. во Франции // *Левые в Европе XX века: люди и идеи*. М.: ИРИ РАН, 2001. С. 265–295.

- Семенов А. Л. Май 1968 г. во Франции: 30 лет спустя // *Карло Роселли и левые в Европе: к 100-летию со дня рождения*. М.: ИВИ РАН, 1999. С. 163–180.
- Черветто А. Унитарный империализм. Paris: Марксистская наука, 2005. Т. 2. 709 с.
- Шубин А. В. Великая российская революция. От февраля к октябрю. М.: Родина Медиа, 2014. 452 с.
- Seale P., McConville M. *Red Flag/Black flag. French Revolution 1968*. N.Y.: Putnam, 1968. 282 p.

REFERENCES

- Arzakanyan M.T. *Velikiy de Goll'. "Frantsiya – eto ya!"* [The great de Gaulle. "France is me!"]. M.: Eksmo, 2012. 512 p. (in Russian).
- Boltanski L., K'yapello E. *Novyy dukh kapitalizma* [New spirit of capitalism]. M.: NLO, 2011. 976 p. (in Russian).
- Doyl K. *Mesyats revolyutsii. Uroki vseobshchey zabastovki* [Month of the Revolution. Lessons from the general strike]. M., SPb.: Rabochaya demokratiya, 1993. 104 p. (in Russian).
- Kolomiitsev V.F. *Rabochiy klass i profsoyuzy Frantsii v bor'be protiv monopolii* [The working class and the trade unions of France in the struggle against the monopolies]. M.: Profizdat, 1981. 175 p. (in Russian).
- Kurlanski M. *1968 god, kotoryy potryas mir* [1968: The Year That Rocked the World]. M.: AST, 2008. 543 p. (in Russian).
- Manifest informaliata* [Manifesto informaliata]. Available at: http://informacional.ru/manifest_informaliat.php (accessed 20 September 2018) (in Russian).
- Semenov A.L. *May 1968 g. vo Frantsii* [May 1968 in France], in *Levyye v Yevrope XX veka: lyudi i idei* [Leftists in Europe of the twentieth century: people and ideas]. M.: IRI RAN, 2001. Pp. 265–295 (in Russian).
- Semenov A.L. *May 1968 g. vo Frantsii: 30 let spustya* [May 1968 in France: 30 years later], in *Karlo Roselli i levyye v Yevrope: k 100-letiyu so dnya rozhdeniya* [Carlo Roselli and the Left in Europe: to the 100th anniversary of his birth]. M.: IVI RAN, 1999. Pp. 163–180 (in Russian).
- Chervetto A. *Unitarnyy imperializm* [Unitary imperialism]. Paris: Marksistskaya nauka, 2005. Т. 2. 709 p. (in Russian).
- Shubin A.V. *Velikaya rossiyskaya revolyutsiya. Ot fevralya k oktyabryu* [The great Russian revolution. From February to October]. M.: Rodina Media, 2014. 452 p. (in Russian).
- Seale P., McConville M. *Red Flag/Black flag. French Revolution 1968*. N.Y.: Putnam, 1968. 282 p.